

19.02.2004

ФАНАТ

жестокого Средневековья

Ник Перумов:
Добролюбовы и Писаревы
были больше заняты чтением
нравоучений авторам
да критикой «отсутствия
общественного содержания».
Вред, нанесенный этиими
«товарищами» русской
литературе, огромен.

Вчера в Подмосковье завершила работу ежегодная литературная конференция писателей-фантазистов «Роскон». К сожалению, самый популярный российский фантаст Ник Перумов в силу ряда обстоятельств лично приехать не смог. Зато в пятницу с ним был проведен телемост. Речь шла в основном о вышедшем в издательстве ЭКСМО новом романе «Миттельшпиль», который является вторым томом «Войны мага» и на днях должен поступить в продажу. Во время телемоста стало известно, что Ник Перумов по результатам продаж признан «фантастом года» – количество проданных экземпляров его книг приближается к миллиону. Беседу с самым рейтинговым отечественным фантастом мы предлагаем вашему вниманию.

– Вы как-то сказали, что все фантасты вышли из шинели Стругацких, и дело лишь в том, куда они потом направились.

– Стругацкие были флагманами «новой фантастики», они едва ли не первыми дерзнули писать не о телеуправляемых тракторах и кознях злых буржуинов, а об «обычных людях в необычных обстоятельствах». Именно эти «необычные обстоятельства» и определяют, в какую сторону «направляется» фантаст. Кто-то строит строго научные модели возможного будущего и шарахается от магии, как от чумы. Кто-то, напротив, создает совершенно невероятные и невозможные со строго научной точки зрения миры, но, поскольку там нет сакральных «эльфов, гномов и драконов», подобное считается научной фантастикой, хотя науки там ни на грош. Мне лично всегда не хватало в советской (да и зарубежной переводной) фантастике 70-х ощущения сказки, отрыва от реальности, противопоставления человека и надчеловеческих, божественных сил. Оставился невостребованным богатейший по-

тенциал легенды и мифа, а ведь именно этот язык первым изобрело человечество для отображения волновавших поколения моральных проблем. Я сам начинал с фантастики – пытался подражать Лему и тем же Стругацким. Пока не попробовал на вкус фэнтези и не понял: это мое! Так что, отвечая на вопрос: «Камо грядеши?», могу сказать – направился в сторону фэнтези, литературной сказки, где автор ничем не скован, кроме поставленных им самим условий. Это не исключает, конечно, обращения и к иным жанрам.

– В какой стадии создания находится классический фэнтези-сериял «Семь зверей Райлега», который вы давно обещаете своим поклонникам?

– Я выпустил на своем официальном сайте (www.perumov.com) большой отрывок из написанного и попросил читателей высказать свои мнения. Мнения были очень разными, но весьма полезными. Я понял, что ожидания моих читателей выше и что первый вариант нуждается в серьезной доработке. Поэтому я отложил ра-

боту над этой книгой, решив сосредоточиться на завершении уже начатых серий. Сейчас у меня самый разгар работы над окончанием дилогии «Империя превыше всего», надеюсь, что через три, максимум четыре месяца текст уже окажется в издательстве ЭКСМО. После этого будет последний том «Войны мага» и последняя книга сериала о некроманте Фессе.

– Были ли экранизированы ваши произведения?

– Компания «Новый русский сериал» приобрела права на экранизацию всех книг серии «Хранитель мечей», а также нашего с Сергеем Лукьяненко совместного романа «Не время для драконов». Когда начнется конкретная работа, скажу не могу.

– Вас до сих пор спрашивают о

написанном вами вольном продолжении Толкиена или наконец успокоились?

– От этого мне никуда не деться. Вопросы не иссякают вот уже десять лет. Это понятно – мое «Кольцо»竟然ly полемически заострено. Я очень быстро понял, что писать классическое «продолжение» нельзя,

только сам автор способен на такое. Возможно только своеобразное отражение, в какой-то степени – альтернативное Средиземье. Мне говорили, что я не имел права вводить «новые существа», которых не было у Толкиена, менять моральные оценки. Но зачем нужен второй «Властелин колец», когда есть прекрасный первый?

– Все-таки ваши произведения – это фэнтези или литературная сказка?

– Правильнее все-таки – литературная сказка. Фэнтези – нелепая калька с английского, которую, есть грех, я и сам частенько употребляю. С XIX века литература в России, к сожалению, воспринималась исключительно в аспекте «борьбы за народ». И хотя Пушкин создал «Руслана и Людмилу», а Гоголь – «Вечера на хуторе...», общего жанрового названия для них так и не появилось. Добролюбовы и Писаревы были больше заняты чтением нравоучений авторам да критикой «отсутствия общественного содержания». Вред, нанесенный этиими «товарищами», огромен. В Англии развивалась и крепла традиция литературной сказки (lord Дансени, например), ничуть не мешая критическому реализму Диккенса, к примеру. А мы из фантастики XIX века можем вспомнить разве что «Жар-птицу» Афиногенова да юношескую поэму Некрасова «Баба-яга». Остальное известно только специалистам. А потом на долгие десятилетия литературная сказка стала средством «воспитания подрастающего поколения в духе передового советского искусства». Там тоже появлялись шедевры, но они целиком и полностью прописались в нише детской литературы. Таким образом, когда пала цензура и стало возможно печатать все что угодно, у нас не оказалось своего русского термина для романа, повествующего о другой реальности, построенной на принципах объективного идеализма (определение С. Логинова). Был неуклюжий мутант «роман-сказка», но слово «сказка» в русском языке имеет совершенное иное значение. Не называют же «Властелин колец» сказкой!

– Как вы относитесь к тому, что авторов, пишущих фэнтези, зачастую обвиняют в пропаганде насилия?

– Упрекают не только в этом, но и в «отрыве от реальности», в том, что фэнтези – «удел эсаклистов». И хотя брань на вороту не виснет, скажу все-таки: показ насилия как такого никогда не входил в задачу тех, кто пишет фэнтези. Более того, этот жанр основан на «справедливости Силы». В народных сказках великая сила практически всегда была связана с праведностью, с правотой героя. Илья Муромец сокрушает вражьи рати в огромных количествах, покрывая все поле мертвыми телами, однако ни былины, ни народные сказки в пропаганде насилия никто почему-то не упрекает.

– Многие авторы через какое-то время устают от жанра, в котором они пишут, и так или иначе начинают экспериментировать. Чем объясняется ваша верность жанру?

– Эксперименты не обошли и меня. Еще в середине 90-х я старался скрестить литературную сказку с «научной» фантастикой – получилась дилогия «Техномагия». Экспериментировал и в 2001 году – результатом стал роман «Череп на рукаве», тепло встреченный читающей публикой. Но если в жанрах, отличных от фэнтези, я решало какие-то специфические писательские задачи, скажем, исследуя интересующую меня конкретную альтернативную реальность и поведение людей в ней, то в фэнтези я просто живу. Для меня это самый естественный язык выражения. Ясный и емкий.

– Обращаются к вам молодые начинающие авторы с просьбами ознакомиться с их рукописями, дать оценку?

– Да, очень часто. К сожалению, громадное большинство приносит не законченные рукописи, а несколько страниц. Но там нечего оценивать! В тех же случаях, когда я получаю полный роман, к сожалению, я не могу выкроить достаточно времени, чтобы написать на него полноценную рецензию. Несколько романов я порекомендовал к опубликованию, но в последнее время отошел от этого.

– Американские начальники до сих пор не знают, кто на самом деле русский сотрудник их лаборатории?

– Нет, здесь это никого не интересует. Частная жизнь за пределами лаборатории как бы священна, и потому о ней ничего не спрашивают. Все, что от тебя требуется, – вовремя приходить на работу и выполнять порученное. Может, это и правильно с точки зрения эффективности, но как-то бездушно. Если где и есть люди-винтики, так это в Америке.

– Вы увлекаетесь медиевистикой. Это помогает в творчестве?

– Само собой, поскольку большинство моих произведений помещается именно в средневековую атмосферу. Я люблю это время. Оно очень жестокое, но это жестокость природы. И куда более свободное, как ни странно. Мир не знал ни паспортов, ни виз, и смелый человек с мечом в руке мог добиться многого. История знает немало примеров «из грязи – в князи». Я, конечно, прекрасно осведомлен, что повседневная жизнь тогда была полна тягот и, в общем, коротка, человека оставался один на один с недугами, однако за повышение комфорта и удобств человечество заплатило, как мне кажется, непомерную цену.

– Много ваших произведений выложено в Интернете. Вы не боитесь, что найдутся желающие воспользоваться свободным доступом к книгам?

– Это дело издательства, организации, которой я уступил права на тиражирование моих книг, – отслеживать пиратские сайты и добиваться их закрытия. Раз они этого не делают, значит, не считаю нужным. А раз так, то и мне нечего беспокоиться. Конечно, неприятно, когда моим трудом распоряжаются не только без моего ведома, но и, наплевав на прямые запреты автора, но это – цена свободы. Что же касается того, не боюсь ли я, что кто-то пиратским образом издаст мою книгу на бумаге, – то нет, не боюсь. Того, что в отношении известных авторов не было даже в начале 90-х.

– Издательство АСТ выпустило книгу с вашим именем на обложке и рассказами молодых авторов внутри. Застрахованы ли читатели от повторения подобных вещей?

– По горячим следам я поместил на своем официальном сайте письмо. Желающие могут зайти и ознакомиться. Что же касается того, застрахованы ли читатели от подобного... Боюсь, что нет, пока не будут принятые решительные меры.

– Следите ли вы за развитием российского фэнтези?

– К сожалению, практически перестал. Последняя прочитанная в этом жанре книга нашего автора – «Знаменитые пути» Марии Семеновой.

– Как, на ваш взгляд, будет развиваться дальше этот жанр?

– Сказке и мифу предрекали гибель множества раз. На пьедестал возносились критические реализмы или постмодернизмы, но литературная, авторская сказка, принимая разные формы и обличья, никуда не исчезала. Российское фэнтези, сняв первый, самый доступный слой сюжетов, мыслей и образов, замерло, накапливая силы для нового рывка. Представляется непаханой зелено-славянским фэнтези, несмотря на довольно много книг, вышедших в этом поджанре. Только начинает разрабатываться городское фэнтези, и, конечно, еще не сказано – и не будет сказано никогда! – последнее слово в фэнтези героическом, том самом, чье действие разворачивается в иных мирах.

– Повлияет ли интернет-литература на интерес к книгам вообще?

– Проблема Интернета надумана. Главное – это текст, а уж на чем его читать, с какого носителя – вопрос второй. Книга все равно уникальна, она вся перед тобой, в отличие от одногоД-единственного экрана компьютера.

– Как вы относитесь к ролевым играм по вашим книгам?

– Прекрасно отношусь. По-моему, любой писатель должен радоваться, если по его книгам пишут «фанфики», дискутируют, играют в игры.

– Общаетесь ли вы с так называемыми перумистами?

– Это мои самые верные и самые великодушные читатели, готовые мне простить даже неудачи вроде «Армагедона». Это те, кто поддерживал меня в трудные моменты, на чей суд я выношу фрагменты новых вещей. О таких читателях, как мне кажется, можно только мечтать.

Беседовал
Александр АЛЕКСЕЕВ